

**Николай
ХРИПКОВ**
г. Новосибирск

* * *

Было это в далекие шестидесятые годы прошлого века.

Я окончил пятый класс.

*Впереди было долгое лето с купанием на речке
и походами на далекий Новый Затон, где мы делали
шалаш, ловили рыбу, зажаривали ее на костре.*

*И чувствовали себя свободными,
почти первобытными людьми.*

*Впрочем, родители могли отвезти меня в Якорь,
небольшую деревушку в Ордынском районе,
где жила моя бабушка.*

*Но всё получилось по-другому,
совершенно неожиданно для меня.*

На первом этаже жил мой одноклассник и друг Боря.

Жил он вдвоем с матерью тетей Верой.

Она работала поварихой на судне-самоходке.

И почти все лето ее не было дома.

*И вот в очередной раз перед рейсом
она решила взять сына с собой.*

Пусть уж будет под присмотром, а не болтается один.

А то неизвестно, что натворит.

*Однако Боря посчитал, что одному ему будет скучно
среди взрослых, занятых работой людей.*

И спросил, можно ли и мне отправиться с ними в рейс.

Тетя Вера спросила у капитана самоходки.

Тот был не против.

Самоходка была загружена под завязку продуктами, стройматериалами, товарами для магазинов. Ни железной, ни автомобильной дороги на Север еще не было построено, поэтому все необходимое для долгой сибирской зимы доставляли за период навигации. Грузы вниз по Оби шли непрерывным потоком. Нужно было обеспечить все поселки, города необходимым. Для речников это была горячая пора. Дома за всю навигацию они бывали лишь несколько дней, пока шла загрузка.

Каюта на судне не больше вагонного купе. Две кровати. Одна для тети Веры, на другой предстояло спать нам вдвоем с Борей.

Было бы здорово запечатлеть предстоящие приключения на фото пленку, но фотоаппарат в те годы был предметом роскоши, поэтому вся надежда у меня была на блокнот и авторучку. Буду вести дневник, записывать, как проходит рейс, и делать рисунки. Хотя художник с меня аховый.

И вот наступает долгожданный момент. Капитан командует:

– Отдать концы!

Экипаж – в основном молодые ребята.

Отвязывают швартовые от кнехтов. Больше нас ничто не связывает с землей. Теперь у нас под ногами палуба, а под дном нашей самоходки глубины обской воды. Кстати, Обь с Иртышом занимают первое место в мире по протяженности.

Самоходка неторопливо отходит, как говорят моряки, «отваливает» от дебаркадера. Полоса воды между двумя железными бортами становится всё шире. Почему-то становится грустно. На берегу остаются провожающие: матери, жены, дети, подруги. Проводить в рейс и встретить после рейса – это традиция, которую нарушать не следует. Они машут, кричат, посылают воздушные поцелуи. Улыбаются. Но улыбки печальные.

Почти весь экипаж выстроился по борту, кроме рулевого и машинистов-мотористов, у которых самая тяжелая и грязная работа. Машинное отделение нельзя оставлять без присмотра ни на мгновение. Капитан из рубки подает прощальный гудок. Проплывает Затон. Справа Новосибирск, за которым сразу начинается сосновый бор. Самоходка вышла на фарватер и прибавила ходу. Машины ровно гудят. Экипаж расходится. На палубе остаемся только мы с Борей. Не верится даже, что наше путешествие началось. На далекий Север, в низовья Оби, где так необходимы грузы, которыми набиты трюмы самоходки.

* * *

Обедаем в кают-компании. Капитан сидит за столом вместе со всеми в простом рабочем свитере. Если не знать, что он капитан, то ничем не отличишь его от остальных. На первое наваристый борщ с мясом, на второе довольно увесистая котлета с гарниром, на десерт – компот в железных эмалированных кружках. Компот горячий, приходится дуть на него.

Довольно вкусно и сытно. Но всё равно кто-то просит добавки.

Действует морской закон: кто последний встал из-за стола, тот убирает за всеми. В этот раз последним оказался низенький толстяк. Его зовут Сережа.

После обеда мы отправляемся в небольшое путешествие по самоходке. Должны же мы исследовать свой корабль, на котором нам придется пробыть столько дней и ночей. Нас считают за своих, почти полноценных членов экипажа. Со всеми сразу установились дружеские отношения. Мы проходим везде свободно. Постояли на капитанском мостике, зашли в рубку. За большим деревянным штурвалом стоит долговязый рулевой Саша. Мы рассматриваем приборы, большой компас (с уда-

рением на последнем слог). Саша охотно отвечает на вопросы. Говорит с нами как с равными.

Морской сленг – это почти святое дело. Про компас я уже сказал. Если вы хотите, чтобы вас уважали, первым делом усвойте морской язык. Суда только «ходят». Если скажете «плавают», вас тут же поправят «плавает г...», а мы – ходим. Са- лаге простят ошибку. Но уроки нужно усваивать с первого раза, чтобы не выглядеть тупым.

Повара нельзя называть поваром. Только ко- ком. Сначала для нас звучит несколько смешно. Кухня – это камбуз, каюта – кубрик.

Долго стояли на носу, подставив лица свежему ветру. Внизу бурлила вода. Мы мнили себя великими мореплавателями.

Впереди открывались всё новые и новые дали. Обь казалась бесконечной, как и жизнь.

* * *

Среди низких лесных берегов появлялись дере- вушки и тут же скрывались, как будто испугавшись.

С другими судами здоровались протяжным гудком. Те, кто стоял на палубе, махали. Прошли мимо устья Томи. А вот и первая стоянка. Само- ходка пришвартовывается к небольшой приста- ни-дебаркадеру.

Деревушка на левом берегу. Ребята выносят несколько ящиков и мешков, которые грузят на телегу, стоящую возле пристани. За вожжами си- дит мужичок в черной робе. Груз для местного магазина. Стоянка около часа. Свободные от вах- ты прогуливаются по берегу. Кто-то уже раньше завел здесь знакомых. У Саши – высокого голу- боглазого матроса, когда он возвращается, рас- спрашивают, видел ли он Томку. Как она? Не вышла ли замуж? Хранит ли ему верность? Ждала ли его? Бросилась ли на шею?

Саша отмахивается, отшучивается.

– Ну, по глазам же видим, что встретились! – дос- тают его. – Ну, чего ты, Сашок, такой скрытный?

– И что?

– Поцеловались хоть?

– Да идите вы в баню! – обиженно произносит он. – Всё вам расскажи, да еще и покажи!

* * *

Засыпаем под шелест воды, которая совсем ря- дом, почти под самым ухом. Удивительное ощущение! За этой стальной перегородкой, в которую упирается подушка, темная обская вода. Тут любой почувствует себя настоящим морским волком.

Утром наблюдаем, как моют палубу. У матроса ведро на длинной веревке. Веревка называется «концом». Тоже непонятно почему. У любой веревки два конца, если, конечно, эти концы не связать между собой.

Матрос бросает ведро за борт, поднимает и льет воду на железную палубу. Ручейками она стекает назад за борт. Так он проделявает много раз. Потом берет швабру, которой просто гоняет лужицы воды вместе с грязью за борт. Палуба на ветру и на солнце быстро просыхает. Если сильно печет, то босиком и не пройдешь.

Объ всё шире. Когда темнело, вдалеке на берегу можно было увидеть огоньки. Спросили, что там может гореть среди тайги. Это горели газовые факелы. В Томской области в это время открывали одно нефтяное месторождение за другим.

* * *

Подходим к Колпашево. Это районный центр, город на правом берегу. Про Колпашево мы много слышаны еще в Затоне. Сюда, говорят, ссылали в тридцатые годы крестьян. В городе много предприятий, некоторые были эвакуированы в Колпашево в годы войны.

Стоим несколько часов. Капитан побрился, обычный свитер сменил на флотский мундир. Ребята подшучивают над ним:

– Иваныч! Никак жениться собрался?

Вообще никакой субординации. К капитану обращаются просто по отчеству. Но хамства не позволяют и приказы его выполняют. Капитан никогда не кричит и немногословен. В кают-компании, когда едят, обычно балагуры, как говорится, «травят» байки. Капитан лишь улыбается. Изредка вставит слово-два.

В Колпашево закупают продукты. Поэтому возвращаются с мешками. Мы тоже немного прогулялись по городку. Особого впечатления он не произвел. Хотя много старинных домов из толстых бревен с резными наличниками. Говорят, что деревня здесь была основана русскими переселенцами аж в семнадцатом веке. Многие политические ссыльные попадали сюда.

* * *

После Колпашево Объ стала настолько широка, что дальний левый берег можно увидеть только в ясную погоду. И то предстает он зеленой ниточкой. Вскоре мы попали в шторм. Как моряки говорят, «в болтанку».

Через палубу перекачивалась вода. Самоходку качало из стороны в сторону. И ходить можно было, только широко расставив ноги и руки, чтобы не упасть или не удариться. Мой друг тяжело переносил «болтанку». У него началось то, что называется «морской болезнью». Он лежал в кубрике и стонал. Был бледен как стена. Тетя Вера поставила возле кровати тазик, на случай, если его начнет рвать. В кубрик на ужин он не пошел. Мать принесла ему второе и сладкий чай. Но он выпил только чай. И снова упал и застонал. У меня же не было никаких симптомов. И я понял, что вполне гоюсь для морской службы. К утру шторм утих. Но по воде бежали большие темные волны. Небо было серым. Дождило.

Мы не выходили из кубрика и дулись в «дурачка». Мне карты надоели до одури. Даже голова начала болеть. Лучше бы почитать книгу. Но мой друг не любил чтения, и ему не нравилось, когда я предавался этому занятию.

Он начинал отвлекать меня от чтения всевозможными способами. И обижался, если я не прекращал чтения.

Скоро я нашел способ для уединения. Дни становились длиннее, а ночи короче и светлее. Я с удивлением обнаружил, что даже в глухой ночной час за иллюминатором светлая серость. Ночной темноты не наступает. В кубрике, конечно, для чтения света не хватало. Вот они какие – северные белые ночи! Теперь, если мне не спалось, я одевался и уходил на нос самоходки, где садился среди кнехтов и бухт с канатами. И читал. Здесь никто мне не мог помешать. Я оставался совершенно один. Гудела машина самоходки, шелестела вода за бортом, прохладный ветер обдувал лицо. Кругом безграничные водные дали. Настоящее море! Как тут себя не почувствуешь мореплавателем!

Редкие низкие острова, заросшие кустарником и хвойником, разнообразили водную пустыню. Да еще время от времени проходили встречным курсом другие суда. Кричали чайки. То одна, то другая резко пикировала вниз и тут же взмывала вверх, держа серебристую рыбину, которая трепетала в их костяных серповидных клювах.

Я читал соответствующую книгу – «Открытие Земли» Жюль Верна. В то время это был мой любимый писатель. В затонской библиотеке я прочитал его многотомник. Приключения, рейды дерзких пиратов, экзотика далеких островов и стран – всё это было так близко мне. В блокнот я выписывал имена и географические названия. Огорчало меня только то, что все континенты и острова уже открыты. Эпоха первопроходцев и первооткрывателей осталась в прошлых веках. Всё равно я твердо решил стать морским путешественником и пройти

маршрутами великих мореплавателей. Что еще может быть увлекательней в этой жизни? Более интересного занятия в своей жизни тогда я не мог представить. Только моря и океанские просторы!

* * *

Днем вахтенный матрос закричал:
– Смотрите!

Он стоял на капитанском мостике, вытянув руку, чтобы привлечь внимание. Что же он там такого увидел? Все, кто были рядом, повернули головы туда, куда он показывал. Может быть, какой-нибудь сумасшедший кит зашел в Обь поинтересоваться, как тут живут? Над водой торчала как будто роща, которая медленно перемещалась по реке. Присмотревшись, мы поняли, что это ветвистые рога.

Перед нами было целое стадо лосей, которые переплывали широкую, как море, Обь. Такой массовый заплыв жителей сибирской тайги. Они уверенно двигались вперед. Что их подвигло на это путешествие – загадка. Но ведь была какая-то причина? Меняли пастбища? Но сколько же нужно выносливости и как превосходно надо держаться на воде, чтобы преодолеть такое водное пространство! Всё-таки Обь – это не лесной ручей.

Воздух заметно посвежел, хотя стояла середина лета. Теперь, отправляясь среди белой ночи на нос корабля, я надевал на себя теплый свитер. Но и он не всегда защищал от холодного встречного ветра.

* * *

Однажды самоходка замедлила ход, а потом и вовсе остановилась. Зачем это делать посредине Оби? К самоходке на сибирской лодке-долбленке обласке приближались рыбаки. Почти вся команда ожидала их у борта.

Не то что сидеть в обласке, но даже смотреть на тех, кто находится в этом необычном плавсредстве народов Севера, страшно. Обласок – это длинная лодка, порой выдолбленная из цельного толстого дерева с обоими острыми носами. Поэтому на обласке с равным успехом можно двигаться и вперед, и назад.

Передвигается обласок по воде быстро, как стрела, рассекая волны. Но плавание на обласке требует навыков и сноровки. Новичок вряд ли сможет управиться с ним. И скорее всего перевернется и окажется в воде. Перевернуть обласок при неверном движении не составит труда. Но зато и вернуть его в первоначальное состояние тоже нетрудно.

В обласке сидели двое хантов. В народе хантов

называют остяками. Это древний финно-угорский народ. Лицо их темно-медного цвета, как у настоящих индейцев. Что, впрочем, неудивительно. Ведь американские индейцы вышли из Сибири. Вот только на головах у них вместо индейских перьев были шапки-ушанки, а вместо накидок легкие, удобные и практичные фуфайки, которые спасают и от холода, и от гнуса. И в то же время не сковывают движений.

Приблизились к самоходке и зацепились за борт длинным багром. Обласок покачивался на волнах, то приближаясь, то отдаляясь от железного борта самоходки. Обласок полон рыбы. Два рыбака сидели в этой шевелящейся серебристой массе. Были видны только верхи их резиновых сапог. Некоторые рыбины высоко подпрыгивали.

– Почему? – спросили сверху.

– Пять! – ответил один из рыбаков и показал пять растопыренных пальцев. Для убедительности.

– Дорого, мужики!

– Зачем дорого? Ты посмотри, какая рыба! Красная! С икрой! Очень хорошая рыба.

– Давай!

Спустили на веревке ведро, на дне которого была пятирублевая купюра. Рыбак положил денежку в карман. В ведро нагребли рыбы, и оно ушло вверх. Так повторялось много раз. И обласок пустел на глазах. На дне осталась лишь мелкая рыбешка.

Ценная рыба была выбрана. То, что оставалось, называется «мусором». Чебаки, окуньки, ерши и прочая мелюзга. В Новосибирске рыбаки стоят целыми днями, чтобы поймать такого «мусора» хотя бы с десяток штук. А здесь такую рыбу скормливают собакам.

– Забирай, капитан, «мусор». По трешке отдадим!

– За два заберу! – отвечает капитан. У капитана судовая касса, из которой он тратит деньги на продукты.

Выгребают оставшуюся рыбу. Рыбаки довольны. Как быстро удалось сбыть весь улов! Отчалили от самоходки. Теперь домой они привезут неплохие деньги, порадуют семьи. В лесхозе или колхозе за такие деньги нужно горбатиться целый месяц. Да и рыболовство и охота среди местных жителей считаются развлечением, чуть ли не отдыхом.

Экипаж тоже доволен. Красную рыбу привезут домой. Часть продадут знакомым и соседям. В Новосибирске красная рыба уйдет втридорога. С руками отхватят. Мелочь, «мусор» пойдут на кухню: на уху, жарено, пироги с рыбой. Варят из мелочи и консервы, которые едят вместе с костями, которые становятся мягкими.

Теперь у экипажа пошла работа. Рыбу надо было потрошить, отделать икру, засолить, часть засушить. За сушеную и вяленую рыбу хорошо пла-

тят любители пива. С одной рыбешкой трое мужиков могут выпить трехлитровую банку пива. Даже костей почти не остается.

* * *

С Севера домой везут не только благородную рыбу. Хотя вернуться без рыбы – это всё равно что впустую сходить в рейс.

На обратном пути многие приобретают бруснику. Стоит самоходке подойти к берегу, как местные жители спешат туда с полными ведрами. Удивительная таежная ягода! Полянки, где растет она, как будто сплошь залиты кровью. Брусника стелется ковром.

Местные жители сгребают ее специальными грабелями в кучки. Оттуда уже в ведра.

Брусника не испортится, даже если простоит целый год. Только поместить ее нужно в темное прохладное место. Свежую бруснику в эмалированном ведре опускают в погреб, где она может простоять до следующего года. И ничего с ней не случится. Брусничный сок разводят водой, добавляют немного сахара, и получается замечательный морс, очень полезный для здоровья, которому разные лимонады не годятся и в подметки. Если кто-то переберет, опохмеляется брусничным соком. Скоро приходит облегчение. Поэтому брусника так ценится, и ее охотно покупают у речников.

Кроме брусники, покупали у местных жителей кедровый орех, на который тоже в Новосибирске было много покупателей. Везли как шелушенные орехи, так и шишки. Шишки брали целыми мешками. Долгими зимними вечерами щелкали их целыми семьями. Для экипажей, которые ходили на Север, это было неплохой добавкой к меню и к семейному бюджету. Зимой суда стояли на караване, речники уходили в отпуск и зарплаты падали.

* * *

Но приобретали не только орех, бруснику и красную рыбу, делали и экзотические приобретения, о которых потом рассказывали истории. Эти истории передавались из уст в уста. На одной самоходке всю навигацию жил медвежонок. Он стал полноценным членом экипажа. Был ручным, как собака, ходил за всеми следом, охотно играл и, разумеется, ел с рук. Мишу любили, и каждый старался подкормить его. Все привыкли к нему. И было только одно ограничение: на берег его не пускали. И приходилось его привязывать, чтобы не увязывался за другими на берег. О дальнейшей судьбе медвежонка остается

только гадать. Разумеется, со временем он должен был превратиться во взрослого зверя. Может быть, его отдали в зоопарк или выпустили в тайгу, гуляя по которой он очень тосковал о своих друзьях, оставшихся на самоходке. Может, кто-то усыновил его? Хотя вряд ли. Свои и соседи не поняли бы такого шага. Им бы очень не понравился такой жилец, от которого можно было ожидать чего угодно.

* * *

Вот мы подошли к Сургуту. Но под разгрузку сразу встать не удалось. Небольшой порт был занят. Самоходка пришвартовывается к немецкому судну «река – море», которое пришло сюда кружным путем через моря. Рядом с ним наша самоходка смотрелась как Моська перед слоном. Чтобы сойти на берег, приходилось подниматься на борт «немца». И по нему уже проходить на берег.

Судно поражало не только размерами, но и стерильной чистотой.

Поднимаемся и идем через рубку. Это целый зал, просторный и светлый. Окна во всю стену. Капитан-немец одет по форме с иголочки. Наш, в рабочем свитере, смотрится по сравнению с ним замухрышкой. Матросы-немцы, которые нам попадают по пути, тоже одеты по форме.

Возле пристани визг, смех. Ребятня куча-мала в воде. Брызгаются, ныряют, играют в догонялки. Мы с другом вспоминаем, что давно уже не купались. Как пошли в рейс, с тех пор не окунались в воду. Раздеваемся на берегу и бежим в воду. Местные не обращают на нас никакого внимания. Когда вода доходит до пояса, останавливаемся в изумлении. Глядим друг на друга. Кажется, с купанием мы поспешили. Вода ледяная. А местная мелюзга плещется и не собирается выбираться. Вот что значит северная закалка. Отплываем на несколько метров от берега и спешим назад.

* * *

Сургут сейчас – современный современный город. А тогда это было захолустье, и не очень привлекательное. От пристани мы идем в гору. По пути попадаетесь бревенчатая изба, в которой располагался магазин. Если бы не вывеска, домишко можно было принять за жилой.

Интересно! Заходим. Поражают цены. Всё это в Новосибирске стоит значительно дешевле. Картофель сушеный. Ну, понятно, что привозной. Стоит как колбаса. В основном консервы и пузатые банки с соком. Продают и непродовольственные товары.

Машин в городе не видно. Да и где им ездить. Дороги как таковой нет. А есть уличное пространство. На всю ширину оно заполнено грязью, которая, наверно, не просыхает здесь все лето. Люди ходят по высоким деревянным тротуарам. И на другую сторону переходят по таким же настилам. Тетя Вера покупает стиральную машину. Это мечта всех женщин того времени. Но в Новосибирске они бывают в продаже крайне редко. Мы, кряхтя, волочем ее назад до самоходки. Тетя Вера, радостная, шагает рядом.

* * *

В порту освобождается место, и самоходка становится под разгрузку. Грузчиков в порту не оказывается. А может, они заняты на других работах. Весь экипаж, даже капитан, становятся грузчиками. Надевают грязную рабочую робу и становятся в цепочку. Переноска мешков и ящиков – тяжелое дело. Вскоре все вспотели и обнажаются до пояса. Время от времени кто-нибудь обливается холодной обской водой. Нужно разгрузиться как можно быстрее, потому что разгрузки ждут другие суда. Работают весь день, почти без перекуров. И только к позднему вечеру освобождают трюмы.

* * *

Залив мазута, самоходка идет дальше. И вот наступает день, когда противоположного берега не видно, настолько широка Обь. Чем тебе не море! И только по левому борту вдалеке зеленая полоска.

Самоходка уверенно режет темную обскую воду. Это насколько же велика наша страна, если реки как настоящие моря! Одна только Обь чего стоит! А ведь от Ханты-Мансийска еще сколько до Салехарда, до Обской губы, до северного полярного круга! Да и Обская губа – это длинный морской залив. Настоящее море. Из губы путь открывается в ледяное Карское море. А за ним и с той, и с другой стороны полярные моря, которые большую часть года покрыты льдом. Всё это Россия, бескрайняя, могучая! Жизни не хватит, чтобы объехать ее просторы.

Наша самоходка лишь частица на бескрайних ее просторах. Но и мы делаем необходимую, очень нужную работу. Наши грузы ждут тысячи людей. Люди могут жить здесь нормально только благодаря тем грузам, которые мы доставляем. У них будет еда на столе, предприятия получат нужные станки.

* * *

Вот и Ханты-Мансийск – столица огромного национального округа. Здесь Иртыш сливается с Обью и единым мощным потоком устремляется к Ледовитому океану. Жалко лишь одного, что наш путь на север здесь заканчивается. Ханты-Мансийск – последний пункт нашего плавания. Но я был уверен, что еще вернусь сюда, чтобы отправиться дальше на север к океану, где мощные ледоколы пробивают многометровый лед и ведут за собой караваны судов с грузами для городов и поселков на Крайнем Севере нашей страны. Я пройду весь этот великий северный путь!

□

Николай Иванович ХРИПКОВ

родился в городе Новосибирске в 1954 году.

В 1977 году окончил гуманитарный факультет

Новосибирского госуниверситета.

Работал на стройке, инженером в совхозе,

учителем литературы и истории в сельской школе.

Сейчас работает библиотекарем в сельской библиотеке.

Публиковался в газетах, журналах,

в литературном сборнике «Жизнь вокруг нас», Южно-Сахалинск,

2018,

сборнике «О бабушках и дедушках». М., 2018,

региональных и федеральных художественных сборниках.

В журнале «Север» публикуется впервые.

